

Больше десяти лет Сяо И не видел родную мать и уже почти забыл, как она выглядит. То лицо больше не было молодым: у уголков глаз и губ пролегали морщины, кожа утратила прежний блеск под напором прожитых лет, в волосах у висков мелькало несколько седых прядей. Но улыбка осталась такой же, как прежде - мягкой и терпеливой, когда женщина прижала сына к себе.

— Ань-Ань, не плачь, мама здесь.

Цинь Сулань не заметила Сяо И. Когда женщина подняла глаза, он уже отвернулся и отошёл туда, куда не достигал её взгляд. Чёрные глаза растворились в ночи, и невозможно было понять, куда он смотрит.

Среди редящих огней Линь Мудун долго стоял перед женщиной, потом перевёл взгляд на ребёнка у неё на руках. Они были словно вылиты из одной формы.

Цинь Сулань машинально взглянула на него, но всё её внимание было занято без конца плачущим сыном, и разговаривать с незнакомцем ей не хотелось. Она уже собиралась уйти с ребёнком на руках, как незнакомый фулан окликнул её. На вид он был совсем молод, а выражение лица при этом такое торопливое, будто перед ним стоял давно не виденный знакомый. Цинь Сулань нахмурилась и насторожилась.

— Тётушка, — заговорил Линь Мудун. — У ребёнка туфелька упала.

Только что в толпе все теснились друг к другу, и, когда мальчика подняли на руки, туфелька слетела, но никто этого не заметил. Линь Мудун подобрал её и протянул женщине.

Только тогда лицо Цинь Сулань смягчилось:

— Спасибо.

Линь Мудун спросил:

— Тётушка, вы откуда? Поговору не похоже, что местная.

Она ждала мужа с ребёнком на руках, а потому, раз всё равно нечем было заняться, ответила:

— Мы со стороны деревни Янлю. Сегодня ведь Малый Новый год, а Ань-Ань всё ныл, хотел посмотреть праздник фонарей и купить сладостей, вот мы и привели его сюда.

Деревня Янлю...

Линь Мудун не осмелился обернуться и посмотреть на лицо Сяо И. Между Янлю и Сяохэ было всего две горы, пешком лишь полтора шичэня.

Не далёкие горы и реки. Не долгий путь через перевалы.

Если человек действительно хотел встретиться, разве расстояние и время могли его остановить?

Линь Мудун пристально посмотрел на неё:

— Мы из Сяохэ, это совсем недалеко. Тётушка, а в Сяохэ у вас есть знакомые?

Неизвестно, показалось ему или нет, но при словах «Сяохэ» лицо Цинь Сулань на мгновение застыло, так ненадолго, что почти никто бы не заметил. Взгляд её заметался, выражение стало странным.

Но она не успела ответить. Издалека подбежал мужчина средних лет и с улыбкой протянул руки к ребёнку:

— Ах ты, маленький проказник, иди к папе.

Цинь Сулань вместе с мужем и сыном развернулась и ушла. Их фигуры постепенно растворились в толпе.

Сяо И вышел из-за стены и посмотрел туда, где исчезли их спины. Линь Мудун не знал, сколько он успел услышать из их разговора, и осторожно взял его за руку.

— Я всё слышал, — сказал Сяо И.

Их ладони сомкнулись. Сяо И сжал его руку так крепко, будто держал единственное сокровище, которое у него осталось, и боялся, что даже оно внезапно исчезнет. Он всё ещё смотрел туда, где скрылась Цинь Сулань, как вдруг чьи-то руки обвили его за талию.

Его застенчивый маленький фулан впервые при людях крепко обнял его.

— Теперь у тебя есть я и бабушка, — тихо сказал Линь Мудун и спрятал лицо у него на груди, не обращая внимания на взгляды прохожих.

— Угу. У меня есть вы, — тихо ответил Сяо И, опустив голову.

В его ясных глазах наконец появились искорки улыбки. Небеса всё-таки не были к нему

слишком жестоки - они позволили ему снова обрести семью.

И всего за одно мгновение чувства, которые он носил в себе больше десяти лет, вдруг отпустили. То, что тебе не принадлежит, подобно песку в ладони: сколько ни сжимай пальцы, всё равно не удержишь. А то, что действительно твоё, даже если отпустишь, всё равно само твёрдо побежит к тебе.

С громким грохотом в небе расцвёл фейерверк. Каждый год в ночь Малого Нового года это было самое оживлённое время. Прохожие один за другим останавливались и поднимали головы. Отблески огня ложились на лица, повсюду звучал смех и не стихали улыбки.

Дациян, схватив Чэнь Сяньюэ за руку, бегом примчался к ним. Лю Шунь неумоимо гонялся за Чжоу Ли, и те двое носились вокруг Линь Мудуна и Сяо И - один убегал, другой преследовал.

А далеко в толпе Цинь Сулань вдруг словно что-то почувствовала. Она обернулась. И в её поле зрения внезапно появилось лицо, которого она не видела столько лет.

Из детского оно стало взрослым.

Цинь Сулань остановилась и долго смотрела.

Мужчина рядом с ней спросил:

— Ты его знаешь?

Взгляд Цинь Сулань стал отстранённым:

— Не знаю. Просто немного похож на нашего сына.

Её слова затерялись в окружающем шуме и веселье и, разумеется, больше не имели никакого отношения к жизни Сяо И.

.....

Чем ближе становился Новый год, тем сильнее ощущалось приближение праздника. Снаружи бушевали ветер и снег, а Линь Мудун с бабушкой сидели у кровати, рядом с которой поставили жаровню с углями. Сяо И положил на жаровню железную решётку и жарил несколько бататов и каштанов - проголодаешься, можно сразу очистить и съесть. Это были медовые бататы, выкопанные с грядки; в отличие от белых, они были мягкими, клейкими и сладкими, а при запекании снаружи выступал слой сахарной патоки.

На столе лежали две пары ножниц. Линь Мудун и Ли Юйфэнь вырезали украшения на окна и двери. Небольшой лист красной бумаги Линь Мудун несколько раз сложил в руках, ножницы пару раз щёлкнули, и после того, как бумагу развернули, получилась ажурная оконная вырезка с иероглифом счастья.

— Наш Дун-гэр и правда такой ловкий, у тебя получается даже лучше, чем у меня, — маленькая старушка улыбалась так широко, что глаза превратились в щёлочки, но и сама продолжала работать.

Сяо И тоже кое-как покровсал бумагу, а потом с озорным видом придвинулся к Ли Юйфэнь и показал своё творение:

— Бабушка, а моё как?

Ли Юйфэнь подняла глаза и с ласковой серьёзностью внимательно посмотрела:

— Тоже хорошо, тоже хорошо. Всё неплохо.

Линь Мудун не удержался и прыснул со смеху, но вслух ничего сказать не посмел. Выглядело так, будто бумагу погрызла собака.

— Ты ещё смеешь надо мной смеяться? — Сяо И притворно рассердился, бросился к Линь Мудуну и ущипнул его за щёку.

Маленькому фулану бежать было некуда, и Сяо И сграбастал его в объятия и принялся тискать. Получив свою порцию такого «наказания», Линь Мудун поспешно убрал улыбку с лица и начал просить пощады, глазами взывая к бабушке о помощи. Ли Юйфэнь же улыбалась так, что рот не закрывался. Молодые ведь такие и есть, только и знают, что возиться да поддразнивать друг друга.

Не будь здесь бабушки, Сяо И уж точно как следует «проучил» бы фулана.

Вырезку с иероглифом счастья, которую сделал Линь Мудун, наклеили на окно, а рядом прилепили кривоватое творение Сяо И, будто погрызенное собакой. Оно еле держалось и почти вплотную жалось к аккуратной вырезке Линь Мудуна.

Несколько украшений наклеили на двери и окна, кое-что на стены. Осталось ещё несколько маленьких листков, и, поскольку следующий год был годом Кролика, Линь Мудун вырезал из них маленьких зайчиков и вынес наружу, чтобы повесить на ветви.

Два персиковых деревца во дворе стояли совершенно голые, но стоило развесить на них красные бумажные вырезки, как показалось, будто посреди зимы на ветках распустились два самых ярких цветка.

— В городе богатые семьи любят сажать во дворах красную сливу. Я однажды привозил им дрова и видел: когда она цветёт среди снега, глаз не оторвать. У нас сливового дерева нет, но если развесить несколько бумажных вырезок, тоже будет неплохо.

— Тогда я вырежу ещё, привяжу цветные шнуры и развешу снаружи во дворе, — сказал Линь Мудун и встал на цыпочки, пытаясь повесить оставшиеся украшения повыше.

В его родных краях такие бумажные вырезки с цветными плетёными шнурами тоже вывешивали с пожеланием счастья и благополучия.

Сяо И вдруг протянул руку, обхватил Линь Мудуна за талию и тихо сказал:

— Не двигайся, я тебя подниму.

Он легко приподнял его и усадил себе на согнутую руку. Фулан был худеньким и лёгким, но, когда ноги внезапно оторвались от земли, всё равно испугался, вскрикнул и крепко ухватился за Сяо И.

Линь Мудун услышал лишь довольный смешок Сяо И, но отвечать было некогда. Он поспешно вытянул руку к верхним ветвям и повесил вырезки на самое высокое место. Так, слегка покачиваясь, они развесили немало украшений. Проходившая мимо тётушка Цай заглянула во двор, тоже нашла их красивыми, выпросила себе несколько и, вернувшись домой, последовала их примеру - развесила на верхушках деревьев.

Солнце сияло ярко, к полудню снег прекратился. Ручей в Сяохэ уже покрылся льдом, и множество ребятишек играли прямо на замёрзшей поверхности. Взрослые приходили за ними с палками, и этим маленьким проказникам всем доставалось.

Линь Мудун дошёл до места, где вода ещё не схватилась льдом, набрал два ведра и собирался отнести домой, чтобы нагреть и постирать одежду. Но и сам не удержался и, как те дети, немного поиграл на льду. Там, где он был особенно толстым, можно было даже скользить по поверхности. Оказалось очень забавно. Раньше Линь Мудун почти не видел ни сильного снега, ни замёрзших рек, поэтому играл с ещё большим увлечением, чем дети, один-одинёшенек радуясь про себя.

Только вдоволь наигравшись, он вернулся к берегу и снова подошёл к незамёрзшему месту за водой. Хотя он пробыл снаружи совсем недолго, кончик носа и обе руки уже покраснели от холода, а при каждом слове изо рта вырывался белый пар.

Он поспешно понёс домой два ведра, наполненных лишь наполовину.

На кухне жарко пылала жаровня. Линь Мудун протянул к огню руки, немного погрел их и только когда окончательно отогрелся, принялся за дела. Сяо И ушёл в соседний двор - сказал,

что они с Дациянем обсуждают, как в следующем году брать разовые поручения по сопровождению грузов. Линь Мудун в таких вещах не разбирался и потому лишь сосредоточенно занимался готовкой. А вот насчёт заработка у него были свои мысли.

Он умел вырезать узоры из бумаги, вышивать и ткать, знал грамоту и умел считать. Даже если не искать работу в городе, да и обычные рестораны и магазины вряд ли доверят молодому гэру вести счета, дома можно было выращивать лекарственные травы, вышивать мешочки и тоже понемногу зарабатывать медяки.

Просто не столько, сколько Сяо И.

Дрова треснули, и пламя вспыхнуло ещё ярче. Линь Мудун долил воды в котёл, бросил туда немного бурого и белого риса и поставил вариться. Маленькая старушка вошла с улицы, вся в снежинках, неся белую редьку и китайскую капусту - зимой из свежих овощей почти только это и оставалось. Линь Мудун взглянул и, увидев, что бабушка выходила в шапке, наконец перестал тревожиться. Перед Новым годом он специально сшил для неё шапку. В её возрасте холод переносился уже тяжело, так что теперь выходить из дома следовало только с покрытой головой, иначе недолго было простыть.

Редьку и капусту нарезали мелкими кубиками, обжарили в масле и добавили в кашу. Она получилась ароматной, мягкой и густой; зимой съешь чашку, и сразу тепло в животе. Туда же бросили несколько тонких полосок имбиря: и вкус становился ярче, и холод прогоняло.

Оставшуюся половину редьки Линь Мудун натёр соломкой, смешал с заранее приготовленным жидким тестом и стал жарить у края котла лепёшки с редькой. Масло было не слишком горячим, поэтому они медленно подрумянивались на слабом огне. Снаружи появилась золотистая хрустящая корочка, местами чуть поджаренная. Линь Мудун стоял рядом и палочками переворачивал их на другую сторону.

Вкуснее всего они были прямо с огня: откусишь - снаружи хрустят, внутри мягкие и клейкие, слегка подрумяненная корочка рассыпается во рту ароматом, а следом выступает сладковатый сок редьки. Вкусно и совсем не жирно.

Убрав лишние дрова из очага, Линь Мудун отложил маленькую чашку для сестры Сяньюэ и остальных, а потом позвал Сяо И домой есть. Когда тот вернулся, в руках у него оказалась ещё одна чашка с жареными кусочками из бататовой муки. Зимой, когда полевых работ было мало, всё так и шло: появлялось свободное время, и каждому хотелось повозиться дома с чем-нибудь вкусным. Тем более перед Новым годом - за весь год лишь в эти несколько дней стол становился особенно богатым.

Линь Мудун откусил кусочек лепёшки с редькой и весь просиял от удовольствия.

— Дай и мне попробовать, — Сяо И придвинулся ближе.

— Я тебе новую возьму, — тихо сказал Линь Мудун, не решаясь предложить Сяо И ту лепёшку, которую уже надкусил.

— Не нужно.

Не дав Линь Мудуну договорить, Сяо И наклонился и прямо с его палочек съел надкусанный кусочек, после чего невозмутимо заметил:

— Вкусно.

Линь Мудун на мгновение застыл, глядя на палочки, а кончики ушей тихонько покраснели. Впервые они ели одно и то же. Он украдкой потёр щёку и повернулся к Сяо И спиной. Но тёплое тело тут же приблизилось вплотную, и у самого уха раздался тихий голос:

— После еды пораньше вернёмся в комнату.

Зрачки Линь Мудуна дрогнули. Как он мог осмелиться ответить согласием?

Этот ужин растянулся необычайно надолго. Линь Мудун медленно ел, потом так же неторопливо мыл посуду, затем ещё дольше возился с водой для умывания, но в конце концов дальше тянуть уже было невозможно.

— Хватит мыть, потом закончишь, — Сяо И окончательно потерял терпение, подхватил его на руки и понёс в комнату.

Линь Мудун испуганно вскрикнул и тут же прикрыл рот ладонью, не осмеливаясь больше издать ни звука. В уголках глаз проступила влажная дымка, но Сяо И в такие моменты неизменно становился сущим негодником, и Линь Мудун совсем не знал, как ему отказать.

Тёплые губы прижались к его губам, и Линь Мудун не осмелился сопротивляться.

Свечу задули, и в комнате остался лишь слабый красноватый свет от углей. Воздух постепенно становился всё жарче. Волосы у висков Линь Мудуна намокли, а сквозь крепко стиснутые губы невольно вырвался тихий звук. Он широко распахнул глаза и тут же сжал губы ещё сильнее. Но Сяо И всё равно его слышал. Он неподвижно посмотрел на Линь Мудуна, а затем на губах появилась нехорошая улыбка. Обняв его, Сяо И вдруг сел...

Снаружи не переставали бушевать ветер и снег. Бумажные вырезки с ветвей одну за другой срывало в сугробы; алые пятнышки, словно распустившиеся цветы красной сливы, делали окружающую белизну ещё ослепительнее. Один цветок, другой - они продолжали расцветать среди снега.

Саньхуа свернулся в своей будке. Звуки из дома достигли его ушей, кончики ушей слегка дёрнулись, но щенок лишь сменил позу и снова задремал.

<http://bllate.org/book/19002/2064097>